A 219/884

2007041086

А 219/884

Г.М.П.М.

Къ исторіи древнихъ обитателей Тульской губерніи и ихъ удѣльныхъ князей.

Се повѣсти временныхъ лѣтъ... (Несторъ).

Жители Тульской губерніи, равно какъ Орловской и Калужской, ведутъ свое начало отъ славянскаго племени вятичей. Исторія мало сообщаетъ намъ свѣдѣній объ этомъ племени, такъ что о многомъ приходится судить относительно вятичей по отрывкамъ лѣтописи, о многомъ гадать и догадываться. Насколько разнообразны и спутаны мнѣнія о нашихъ предкахъ, можно судить уже потому, что еще доселѣ разногласятъ о происхожденіи племени вятичей, и, слѣдовательно, не выясненъ до сихъ поръ такой существенный вопросъ, не говоря уже о вопросахъ второстепенныхъ. Такъ одни относятъ вятичей къ тюркскому племени, какъ напр. неизвѣстный составитель замѣтки, помѣщенной въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ (1893 г. 1377 стр.), который хочетъ построить цѣлую теорію, цѣлое зданіе на одномъ только камушкѣ, на названіи „г. Карачевъ“, считая этотъ городъ главнымъ въ области вятичей. Слово „Карачевъ“ дѣйст-

вительно принадлежитъ тюркскому языку, и значитъ „Черный лѣсъ“, но несмотря на это вятичи всетаки славяне. Если правильно будетъ по названію *одного только* города отнести вятичей къ тюркской народности, то что намъ дѣлать съ *двумя десятками* городовъ, принадлежащихъ тѣмъ же вятичамъ, но носившихъ названіе чисто славянское? По правиламъ логики вятичи будутъ и въ два десятка разъ болѣе славяне, чѣмъ тюрки. Ясно, что слово “Карачевъ“ было наноснымъ въ языкѣ нашихъ предковъ и было ими принято, какъ и нами, случайно. Мало-ли бродило по нашей родинѣ разныхъ племенъ тюркской и Богъ вѣсть еще какой народности: печенѣги, половцы, берендѣи, черные клобуки и пр. Всякое племя несомнѣнно оставляло по себѣ память большею частью въ названіи рѣкъ, урочищъ, поселковъ. Развѣ не могъ Карачевъ достаться по наслѣдству отъ какого нибудь племени нашимъ предкамъ? Это несомнѣнно такъ и было. Но крайней мѣрѣ изъ лѣтописи видно, что Карачевъ не только не былъ главнымъ городомъ вятичей, какъ то голословно утверждаетъ авторъ упомянутой замѣтки, но и не принадлежалъ имъ даже въ XII в.: подъ 1147 г. помѣчено: „Повоева Карачевъ, (Святославъ) бѣжа за лѣсъ въ вятичи“... „и прiиде вѣсть изъ Карачева, иже Святославъ бѣжа въ вятичи“ Лѣтописцу лучше было извѣст-

А 219
884.

но, что Карачевъ не входилъ въ число городовъ, принадлежавшихъ вятичамъ, и что область вятичей была не тамъ гдѣ Карачевъ, а за лѣсомъ отъ него, т. е. къ сѣверу и востоку. *) Причисляютъ вятичей и къ сарматскимъ племенамъ съ легкой руки, кажется, Татищева: „имя ихъ (вятичи), говоритъ онъ, есть сарматское, и знаменуетъ на семъ языкѣ (никому въ мірѣ неизвѣстномъ, замѣчаетъ Карамзинъ) людей грубыхъ, безпокойныхъ, каковыми они и были. Миллеръ въ своей рѣчи о происхожденіи народа россійскаго повторяетъ слова Татищева, вопреки Нестору, который собственными глазами видѣлъ вятичей“ (т. 1, 70 пр. ист. гос. росс.) и опять-таки имѣлъ больше возможности, чѣмъ Татищевъ и Миллеръ, знать, что вятичи славяне, а не сарматы.

Несторъ утверждаетъ, что вятичи—племя непервоначальное, не пришлое, какъ другія славянскія племена, но образовавшееся уже на мѣстѣ въ Россіи, на памяти народа его времени. „Бяста бо два брата въ лясѣхъ, повѣствуетъ Несторъ, Родимъ, а другый Вятко; и пришед-

*) Лѣтъ 5 тому назадъ одинъ польскій ученый не только вятичей, но и всѣхъ русскихъ постарался обрядить въ тюрковъ. Причина ясна. Въ злобѣ на русскихъ, поляки считаютъ постыднымъ, вопреки исторіи, быть кровной родней намъ. Нельзя безнаказанно вмѣшивать въ науку политическую злобу, поэтому другой же польскій ученый счелъ своей нравственной обязанностью обличить этого гордаго ученаго.

ша сѣдоста Радимъ на Съжю (Сожѣ), и прозвашася Радимичи, а Вятко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи." Это свидѣтельство тѣмъ интересно, что записано со словъ живаго во времена Нестора преданія.

Преданіе же это, слегка опоэтизированное народной фантазіей, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе историческіе факты. 1) Родина вятичей и родимичей есть р. Висла, гдѣ обитали ляхи. 2) Родимичи и вятичи суть выходцы изъ племени ляховъ, племена родныя между собою, а равно и родные ляхамъ,—это-то и выразилъ народъ въ своеобразной формѣ братства родоначальниковъ указанныхъ племенъ, имѣвшихъ отцомъ ляха. Слѣдовательно, вятичи и родимичи суть тѣже ляхи, но обособившіеся въ два самостоятельныхъ народа. Такимъ образомъ на основаніи этого краткаго, но весьма содержательнаго преданія, можно слегка возстановить исторію вятичей до прихода ихъ въ нашу губернію. Въ незапамятныя времена ляхи съ береговъ Дуная пришли на б-га Вислы. Съ запада земля ихъ упиралась въ Балтійское море; на сѣверѣ жили воинственныя племена литовцевъ, а съ юга, съ б. Дуная продолжали выселяться другія славянскія племена. Тѣснимые съ сѣвера литовцами, а съ юга новыми славянскими выходцами, ляхи должны были поступательно двигаться на востокъ. Такъ они дошли

до б. р. Сожи. Подъ вліяніемъ тѣхъ же историческихъ условій, ляхи (поляне) должны были распространиться далѣе на востокъ и дошли до б. р. Оки. „Теперь, смотря на географическую карту, и принимая во вниманіе повѣсть Нестора о мѣстахъ сѣдѣнія разныхъ славянскихъ племенъ, мы видимъ, что поляне растянулись узкою полосой отъ моря Балтійскаго до б. Оки; восточный край ихъ поселеній лежалъ по р. Окѣ, средина по р. Сожѣ и по р. Днѣпру, а западный—по р. Вислѣ. Съ теченіемъ времени всѣ эти три пункта поселеній должны были обособиться, такъ какъ мѣсто ими занимаемое до чрезвычайности было разнохарактерно. Земля по Окѣ была совсѣмъ не та, какъ по Сожѣ; а по Сожѣ совсѣмъ не та, какъ по Вислѣ; условія жизни и климатъ по Окѣ были совсѣмъ не тѣ, какъ по Вислѣ, а по Вислѣ—совсѣмъ на тѣ, какъ по Сожѣ. Ясно, что пришельцы, примѣнялись къ характеру мѣстности, вырабатывали себѣ жизненныя условія, спеціально присущія именно данной мѣстности—это первый шагъ къ обособленію отъ своихъ собратій, который въ концѣ-концовъ дастъ тотъ результатъ, что люди, принадлежавшіе къ одному племени, являются непохожими другъ на друга и образуютъ двѣ уже розличныя группы, два племени, вмѣсто одного. Такъ было и здѣсь: подъ давленіемъ характера мѣстности, климатическихъ

и историческихъ условій узкая полоса поселеній ляховъ (полянъ), должна была расколоться на три части, а эти три части должны были образовать три особыхъ племени, различныхъ между собою: б. Оки образовали вятичей, б. Сожи—родимичей, б. Вислы—поляковъ. Но различіе между этими племенами не достигало тѣхъ границъ, чтобы трудно было въ вятичахъ и родимичахъ узнать ляховъ; для этого не требовалось проницательности ученаго спеціалиста въ сравнительной филологіи, нѣтъ, это родство очевидно было для неразвитаго русскаго народа даже въ XII в, который и выразилъ это въ разсказѣ о братствѣ Родима и Вятко (читай родимичей и вятичей). На основаніи чего же народъ могъ придти къ такому заключенію? несомнѣнно на основаніи не научныхъ данныхъ, а тѣхъ, которыя и не хитрому уму били въ глаза, давались въ руки безъ напряженія съ его стороны; таковыми являются прежде всего: единство языка съ весьма легкими измѣненіями, единство обычаевъ и пр. все это было замѣтно въ вятичахъ, родимичахъ и полякахъ (ляхахъ), еще во времена Нестора: „родимичи и вятичи—одинъ обычай имяху“, говоритъ лѣтописецъ. Мѣстность, занятая нашими предками (нынѣшняя Тульская, Калужская и Орловская губ.), была сплошь покрыта непроходимыми лѣсами. Еще и доселѣ живы въ памяти народа тѣ деб-

ри, которыя покрывали лѣтъ 150—200 тому назадъ бо́льшую часть нынѣ вспаханныхъ полей нашей родины, а засѣки: Тульско-Веневская, Крапивенско-Одоевская, пересѣкающія Тульскую губернію отъ сѣверо-востока, почти отъ Рязанскихъ границъ по направленію къ Брянску, не суть ли жалкіе остатки тѣхъ дремучихъ лѣсовъ, которые были сплошными и составляли одну цѣпь съ знаменитыми лѣсами Брянскими, давшими вятичамъ поводъ наименовать одинъ изъ своихъ городовъ „Дебрянскомъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстность эта изобиловала и водой. Знаменитыя въ исторіи рѣки: Ока, Упа, Мечъ, Осетръ, Полова, Солова, Холохольна, Непрядва. Допъ и пр. прорѣзывали лѣсныя чащи. Несомнѣнно здѣсь было много и озеръ, кромѣ Ивана-озера. Покрайней мѣрѣ нынѣшнія болота и торфянники—это памятники надъ исчезнувшими озерами и озерками послѣ вырубки лѣсовъ. Вятичи нашли мѣста на своей новой родинѣ совсѣмъ непраздными. Эти мѣста издавна были заселены какимъ-то финскимъ племенемъ, стоявшимъ на низкой ступени развитія, какъ и всѣ финскія племена: послѣ финновъ не осталось ни одного памятника, который говорилъ бы объ ихъ творческомъ геніи. Финны встрѣтили новыхъ пришельцевъ, какъ можно догадываться, безъ кровопролитія: на это нѣтъ рѣшительно въ исторіи никакихъ данныхъ. И

напротивъ, есть данныя утверждать, что они мирно уступили свои земли вятичамъ. Вятичи совсѣмъ не являлись для финновъ завоевателями, но мирными колонизаторами, которые исподволь являлись на б. Оки, постепенно распространяя свои поселки, пока количество ихъ не достигло такого размѣра, что славянскій элементъ сталъ въ этой области преобладающимъ надъ элементомъ финнскимъ, поглотившимъ послѣдній въ помѣси.

Объ этомъ уже говорить одно то, что предки наши переняли отъ финновъ названіе рѣкъ: Донъ, Уна, Полова, Солова, Непрядьва, Иванъ (Іуванъ) озеро—все это номенклатура финская. Перенять же и усвоить эту номенклатуру вятичи могли только при условіи совмѣстнаго жительства, въ противномъ же случаѣ имъ пришлось бы изобрѣтать названія свои, которыя всѣ, конечно, не были бы финнскими, но славянскими. Съ другой стороны исторія свидѣтельствуетъ, что славяне и финны никогда не были въ отношеніяхъ между собою какъ господа и рабы, что бываетъ постоянно послѣ завоеваній, но относились другъ къ другу какъ полноправные жители данной мѣстности, даже принимали одинаковое участіе въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ,— это уже ясное свидѣтельство въ пользу предположенія о мирномъ распространеніи славянъ среди финновъ. Классиче-

скій примѣръ полноправности въ отношеніяхъ славянъ и финновъ—это участіе финскаго племени чуди въ рѣшеніи вопроса о призваніи князей.

Вятичи, находясь на болѣе высокой ступени культуры, чѣмъ финны, сдѣлались господствующимъ элементомъ на новой родинѣ и должны были подчинить въ духовномъ смыслѣ финновъ (до чего культура финновъ была незначительна, до чего слаба была ихъ духовная мощь, объ этомъ говорятъ новѣйшія изысканія ученыхъ. Нужно было бы ждать, что элементъ финскій обязательно войдетъ въ нашу древнюю поэзію, но этого не оказывается на дѣлѣ. Въ былинахъ, напр., можно встрѣтить мотивы изъ иранской поэзіи, Богъ вѣсть какъ попавшей на св. Русь, изъ поэзіи скандинавской, но никакъ не изъ финской. (См. учен изслѣд. Веселовскаго). А слѣдомъ за духовнымъ владычествомъ вятичей явилось, какъ это и бываетъ, владычество и физическаго типа, т. е. помѣсь вятичей съ финнами дала въ результатѣ такой типъ новыхъ обитателей, которые ближе всего стояли къ славянамъ, а не къ финнамъ, хотя слѣды финнской крови были очень замѣтны на нашихъ предкахъ, да и доселѣ замѣтны на насъ, какъ ихъ ближайшихъ потомкахъ: слегка выдающіяся скулы, носъ съ широкимъ основаніемъ, болѣе мягкій выговоръ, переходящій въ „оканье“ — все это слѣды фин-

ской крови, да и вообще сюда надо отнести всѣ особенности, которыми отличается великоруссъ отъ бѣлоросса и малоросса, принявшихъ въ свою кровь кровь другихъ народностей. Несомнѣнно, что типъ вятичей постепенно очищался, приближаясь къ типу славянъ, вслѣдствіе того, что съ введеніемъ христіанства, браки стали заключаться въ своей средѣ, что вело за собою и раздробленіе крови финновъ на безконечно малыя части среди потомковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе этой крови стало безконечно малымъ. Изъ этого ясно, что племя вятичей образовалось уже на томъ мѣстѣ, гдѣ застаетъ ихъ исторія. Это утверждаетъ и Несторъ, говоря, что племя вятичей явилось уже послѣ того, какъ Вятко, ушелъ на б. Оки, т. е. образовалось на указанномъ мѣстѣ. Ясно, что и названіе наши предки получили уже на занятомъ мѣстѣ, а судя по ходу повѣсти Нестора—и по характеру этого мѣста.

Несторъ говоритъ, что большинство славянскихъ племенъ получило себѣ названія по характеру тѣхъ мѣстъ, которыя онѣ заняли: древляне - отъ деревьевъ, поляне—отъ полей, полочане—отъ р. Полота, бужане—отъ р. Буга и т. д. Едва ли должно быть исключеніе въ этомъ случаѣ и для вятичей. Несторъ, какъ мы видѣли, довольно своеобразно объясняетъ происхожденіе названія племени вятичей, говоря, что та-

ковое получилось отъ имени Вятко. Едва-ли онъ правъ. Таковое объясненіе вообще походитъ на простонародныя объясненія разныхъ названій по способу примитивной филологіи: Тмутаракань — отъ тьма таракановъ, Бѣлевъ—отъ бѣ (былъ) и левъ и пр., какъ будто походитъ на каламбуръ. Трудно повѣрить, чтобы отъ одного человѣка, хотя бы взятаго вмѣстѣ съ своимъ родомъ, въ сравнительно короткое время могло образоваться *племя*, т. е. большая группа людей, вполнѣ обособленная отъ себѣ подобныхъ. На это потребуется такое количество времени, котораго вятичи во всякомъ случаѣ за собой не имѣютъ. Намъ кажется, что слово „вятичъ“ имѣетъ не славянскій корень, а финскій—wat (ватъ-вода). Мѣсто обитанія вятичей вообще было обильно водою. Кромѣ того, судя по Нестору, жилища обитателей этого края располагались по бассейну р. Оки, т. е. опять-таки по водѣ. Что удивительнаго если у первоначальныхъ обитателей—финновъ область эта именовалась wat (ватъ), по преимуществу водянымъ, а отъ финновъ и славяне стали по пріемству именоваться обитателями „ват“,—вата-чи; вата-чи же было искажено въ „вятичи“. А что возможно такое искаженіе, объ этомъ говоритъ исторія. Въ 1147 г. новгородцы вторглись во владѣніе финновъ, нашли тамъ р. Вят-ку, городъ Вят-ку,—названія, передѣланныя изъ слова „ват“-вода.

Лѣсистая мѣстность должна была вліять на способъ пропитанія вятичей и создавать особыя жизненныя условія, а сумма послѣднихъ выработала у нихъ особый характеръ, немало отличающійся отъ характера другихъ славянскихъ племенъ, имъ современныхъ. Лѣсъ располагаетъ своихъ обитателей къ эксплуатаціи его въ видахъ добычи жизненныхъ припасовъ; а главная эксплуатація лѣса для дикаго человѣка — это охота. Вятичи и были главнымъ образомъ охотники. Охотой они добывали себѣ пищу, охотой добывали шкуры звѣрей для одежды, охотой добывали себѣ все свое богатство и даже платили дань „по бѣлѣ вѣверицѣ“, т. е. по бѣлкѣ отъ каждой хаты. Охота — неблагодарный промыселъ. Онъ требуетъ отъ человѣка неутомимости въ преслѣдованіи добычи, выносливости всѣхъ невзгодъ и часто не вознаграждаетъ ни труда, ни потерянпаго времени. Но также охота развиваетъ въ человѣкѣ дикую отвагу, храбрость и умѣнье прямо смотрѣть въ глаза смерти. И наши предки, дѣйствительно, обладали тѣмъ и другимъ въ такой мѣрѣ, что нѣкоторые путешественники считали долгомъ своимъ засвидѣтельствовать объ этихъ качествахъ въ своихъ запискахъ. Герберштейнъ говоритъ, что обитатели между Окой и Проней (почти вся нынѣшняя Тульская губер.) „gens audacissima et belicolissima“ (народъ отважнѣйшій и воинственнѣйшій). Но

иное дѣло личныя достоинства, иное дѣло такъ наз. гражданскія. Извѣстно, что не всякій храбрецъ за свое я бываетъ храбръ за общее дѣло. Послѣднее то качество и было чуждо нашихъ предковъ. Скитаніе по лѣсамъ съ лукомъ и колчаномъ за плечами, погоня и поиски за добычей, опасности и успѣхи предпріятія—все это пріучаетъ человѣка быть одного съ самимъ собою, имѣть въ виду себя только одного, парализуетъ склонность къ общежитію, къ сознанію себя членомъ извѣстнаго общества; порываетъ тѣ нити, которыя скрѣпляютъ семью и нѣсколько отдѣльныхъ семей въ общину. Отсюда идетъ равнодушіе къ политическимъ и соціальнымъ (касающихся внутренней жизни) дѣламъ. Всѣ эти недостатки прекрасно отразились въ исторіи нашихъ предковъ. Это воинственное и отважное племя, однако, всегда находилось, начиная съ колыбели, до послѣднихъ дней своего существованія, подъ властію менѣе отважныхъ и даже тихихъ племенъ, но болѣе сплоченныхъ, какъ, напр., поляне. Этотъ отважный и воинственный народъ никогда не прилагалъ къ дѣлу въ политическихъ видахъ ни своей отваги, ни своей воинственности, даже никогда не сплачивался въ одно цѣлое, чтобы изъ него могло получиться княжество, играющее какую нибудь даже роль въ исторіи нашего отечества. Напротивъ, вятичи — это эпизодическое лицо русской исторіи, аксессуаръ ея...

Такъ думается о вятичахъ, когда мы разсматриваемъ ихъ со стороны того значенія, которое имѣли они въ исторіи политическаго развитія нашего отечества, но иное представляютъ они въ смыслѣ этнографическомъ. Дремучіе лѣса, уединеніе на охотѣ,—все это должно было вліять съ дурной стороны на культурный ростъ вятичей. Въ то время какъ сосѣднія племена: поляне, сѣверяне, кривичи, родимичи и др. мало-по-малу утериваютъ свои характерные, племенные признаки, подъ дѣйствіемъ живаго общенія между собой, выходятъ изъ дикаго состоянія и выражаютъ стремленіе слиться въ одинъ цѣлый русскій народъ, вятичи обособляются отъ этого движенія къ ассимиляціи и сохраняютъ характерныя черты своего племени. Въ то время, когда уже исчезли племена на Руси, слившись въ одинъ народъ, вятичи остаются по прежнему вятичами—племенемъ самостоятельнымъ въ этнографическомъ смыслѣ, и такимъ же дикимъ, какимъ было оно въ IX в., осталось и въ XII в. Достойно замѣчанія, что въ исторіи нашего отечества къ X, кажется, вѣку уже нельзя встрѣтить дѣленія славянъ на племена. Слова: древляне, поляне, родимичи—давно уже потеряли свой смыслъ къ тому времени, ибо исторія въ это время имѣетъ дѣло не съ племенами, а уже съ русскимъ народомъ. Только „вятичи“, земля „вятичей“, „область вятичей“— эти слова по-

стрятъ страницы лѣтописи чуть ли не до XIII в., представляя собою анахронизмъ русской исторіи. Понятно, что лѣтописецъ продолжаетъ сохранять племенное названіе нашихъ предковъ не почему другому, какъ только потому, что они только продолжали сохранять свои племенные признаки и были отдѣльной единицей въ этнографическомъ смыслѣ среди русскаго народа.

Христіанство весьма поздно явилось среди вятичей. Около двухъ столѣтій прошло отъ крещенія Руси св. Владиміромъ, а вятичи все были язычники. Въ исходѣ XI и началѣ XII в. въ страну вятичей была отправлена миссія епископомъ Черниговскимъ Ѳеоктистомъ, состоявшая изъ печерскихъ Кіевскихъ монаховъ. Во главѣ этой миссіи стоялъ знаменитый св. Кукша съ ученикомъ Никономъ, при жизни своей прославившійся даромъ чудотворенія. Св. Кукша былъ самъ родомъ вятичъ, но кто и откуда были его родители—это покрыто мракомъ неизвѣстности. Кукша началъ свою просвѣтительную дѣятельность съ Брянска и дошелъ всего только до Мценска. Тамъ въ 15 верстахъ отъ этого города на б. р. Оки дикіе вятичи убили св. Кукшу и его сподвижника Никона. Мощи его почиваютъ въ Кіевѣ, въ Антоніевской пещерѣ. Кому приходится быть въ Кіевѣ, тотъ особенно долженъ остановиться надъ ракой этого угодника—перваго апостола нашего края, извѣстнаго исто-

ріи; перваго насадителя культуры въ средѣ нашихъ предковъ, ибо начало культуры лежитъ въ христіанствѣ. Но все-таки св. Кукша не дошелъ до нашей губерніи. Несомнѣнно, что и до св. Кукши были проповѣдники въ нашей области, можно даже предполагать, что проповѣдь христіанства прогремѣла здѣсь даже во времена св. Владиміра, ибо этотъ князь не стѣснялся мѣрами крещенія Руси и всюду посылавъ миссіонеровъ для проповѣди. Только крайняя дикость и упорство вятичей были причиною того, что они погрязали въ грубомъ язычествѣ даже во времена Нестора (умеръ XII в.) Вотъ что пишетъ про нашихъ предковъ св. лѣтописецъ: „Вятичи жили въ лѣсахъ, какъ и всякій звѣрь, питаясь всѣмъ нечистымъ, и было среди нихъ срамословіе предъ отцами и снохами. Браковъ же среди нихъ не было, но были игрища среди селъ. Сходились на эти игрища, на плясанье, на всякія бѣсовскія игры и здѣсь воровали (умыкаху) себѣ женъ изъ тѣхъ (женщинъ), съ которыми сговаривались ранѣе. Имѣли по двѣ и по три жены. И если кто умиралъ, то совершали тризну надъ нимъ (поминки съ разными воинскими играми), а потомъ насыпали костеръ большой, клали на этотъ костеръ мертвеца и сожигали; а послѣ сего, собравши кости, клали ихъ въ малый сосудъ и ставили на столбѣ на перекресткахъ (Обычай этотъ имѣлъ своею цѣлью

пріучитъ всякаго думать о смерти при видѣ этихъ столбовъ съ сосудами костей и не бояться ея), еже творятъ вятичи и нынѣ“, добавилъ св. Несторъ въ заключеніе. И это имѣло мѣсто въ страницахъ исторіи въ тотъ періодъ, когда христіанство стало уже на твердой почвѣ въ Россіи, когда родина наша насчитывала десятокъ св. подвижниковъ, *свѣточей христіанства*, какъ св. Антоній, св. Ѳеодосій!

Тѣ же самыя шкуры звѣрей, которыя принуждали вятичей скитаться по лѣсамъ, способствуя ихъ одичанію, съ другой стороны болѣе предпріимчивыхъ людей заставляли вести торговлю. Вятичи жили по прекрасному водному пути, соединявшему средину Россіи съ Азіей. Лѣтописецъ сосредоточилъ особое свое вниманіе на одномъ только пути—на великомъ водномъ, изъ „варягъ въ греки“ (Днѣпръ, Ловать, оз. Ильмень, Волховъ, Ладожское оз., Нева и море Балтійское), и только вскользь говоритъ о другомъ пути: „исъ того же лѣса потече Волга на востокъ, и втечетъ семьюдесять жерелъ въ море Хвалиськое (Каспійское). Тѣмъ же изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалиси“... Само собою разумѣется, что этотъ путь былъ не менѣе важенъ для Россіи, чѣмъ великій водный, но лѣтописецъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на послѣднемъ потому, что всѣ событія всл исторіл, того времени совершалась

на берегахъ этого именно пути, на коихъ жилъ, между прочимъ, и самъ лѣтописецъ; стало быть великій водный путь былъ ему извѣстенъ болѣе хвалынскаго, за то другіе лѣтописцы, которые заинтересованы были въ хвалынскомъ пути, отмѣчаютъ его съ такимъ же вниманіемъ, какъ и Несторъ отмѣтилъ великій водный путь: лѣтописцы это арабскіе. Вятичамъ, сидѣвшимъ на берегахъ хвалынскаго водного пути, открывалась полнѣйшая возможность вступать въ торговыя сношенія съ азіатскими государствами. По той же самой Окѣ, на которой они сидѣли, они плыли до Волги. По Волгѣ ѣхали внизъ и приплывали въ землю болгарскую, располагавшуюся по берегамъ Волги и Камы, тамъ, гдѣ нынѣ казанская губернія. Спускаясь внизъ, они приплывали въ землю казарскую, примыкавшую къ Волгѣ почти при впаденіи ея въ Хвалынское море (Каспійское); выплывши на просторъ морскихъ водъ, они имѣли возможность направить свой путь къ берегу Кавказа, или къ берегамъ Персіи. Цѣлымъ флотомъ ѣхали наши предки въ далекій путь съ шкурами звѣрей, съ невольниками. Являлись на азіятскихъ базарахъ, становили внѣ города себѣ станъ и совершали молитвы перуну о счастливой распродажи товара. Тамъ шкуры и невольники мѣнялись на золото и, довольные успѣхомъ предпріятія, вятичи ѣхали домой. Иногда флотъ нашихъ пред-

ковъ въ количествѣ тысячи ладей двигался къ хвалынскому морю. Но не шкуры звѣрей, а свирѣпые воины ѣхали на ладьяхъ, не съ мирной торговой цѣлью, а съ варварской—грабить берега Персіи и Кавказа. Дикой свирѣпости ихъ тогда не было границъ,—вотъ что повѣдали намъ арабскіе лѣтописцы о хвалынскомъ пути: „Въ 300 году эгиры (около 912 г.) пришло 5 тыс. кораблей, а въ каждомъ 100 чел.. Россіяне послали къ царю (хозарскому Качану) и требовали его дозволенія плыть его рѣкою въ каспійское море, обѣщая ему часть добычи. Онъ согласился... Они высадили войско въ Ирокѣ и пр., пролили множество крови, жгли и грабили. Жители давно не видали никого кромѣ купцовъ и рыбаковъ на этомъ морѣ, но вооружились и сражались... Грабивъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, они возвратились къ устью р. Казарской (Волги) и послали къ царю множество добычи... Но магометане, ему служащіе, сказали: „не хотимъ тебѣ повиноваться, когда ты даешь россіянамъ лить кровь, плѣнять правовѣрныхъ“. Царь извѣстилъ объ этомъ русскихъ. Они вышли на берегъ и сражались съ мусульманами. Богъ далъ побѣду мусульманамъ. Многіе россіяне пали, многіе утонули. Тысячъ пять ушло и хотѣли грабить въ Булгаріи, но магометане истребили ихъ“. (Массуди). Нужно только замѣтить, что географическія свѣдѣнія о Рос-

сіи у арабовъ были весьма спутаны до курьеза. Поэтому нѣтъ рѣшительно никакой возможности разобраться по географическимъ даннымъ, какое это племя славянъ такъ отличилось въ Азіи. Судя по нѣкоторымъ даннымъ это касается южныхъ обитателей Россіи. Абульфеда отмѣчаетъ подъ 944 г. подобный же грабежъ въ Азіи русскими. Фоцлонъ своими глазами видѣлъ русскихъ въ Итилѣ (гл. гор. Казаріи) какъ они торговали, описываетъ ихъ нѣкоторые обычаи, одежду, описываетъ и погребеніе славянскаго князя, чего онъ былъ очевидцемъ. Никто изъ указанныхъ трехъ арабскихъ писателей не даетъ даже никакой возможности судить о тѣхъ русскихъ, о которыхъ они повѣствуютъ, откуда они были и какого племени. Но можно утверждать, и не безъ надежды на успѣхъ, что это были если не вятичи, то несомнѣнно послѣдніе были участниками грабежей въ Азіи, а такъ же и торговыхъ предпріятій. Уже одно то, что они жили по указанному водному пути, при томъ весьма удобному, заставляетъ предполагать ихъ плаванія въ Азію. Къ этому приводятъ и другія соображенія. Дѣло въ томъ, что по хвалынскому пути сидѣли только два племени: кривичи у верховья Волги и вятичи по Окѣ, гдѣ она даже доселѣ судоходна. Слѣдовательно, этимъ двумъ племенамъ, а изъ этихъ двухъ—вятичамъ была Волга всего до-

ступѣ, такъ что эти два племени держали въ рукахъ ключи отъ воротъ Каспія. Ясно, что безвѣдомо вятичей не могло составиться ни одного предпріятія военнаго-ли, торговаго-ли, ибо пришлось бы ѣхать чрезъ ихъ землю. А что это такъ, то объ этомъ говоритъ уже положеніе области вятичей: изъ Иванъ-озера беретъ начало Донъ, образуя донской водный бассейнъ, идущій на югъ; изъ этого же озера идетъ р. Шатъ, принадлежащій къ системѣ р. Волги, впадающая въ Упу, Упа—въ Оку и т. д. Слѣдовательно между южнымъ краемъ и Волгой нѣтъ даже водораздѣла. Принимая же во вниманіе обиліе рѣкъ водою, бывшее въ старину, вполнѣ можно утверждать, что по р. Дону безъ „пересадки“ можно было ѣхать до Волги, что и дѣлали славяне южные. Это гораздо вѣрнѣе предположенія Карамзина, утверждавшаго, что славяне южные ѣхали по Дону, далѣе тащили на себѣ лодки въ томъ мѣстѣ, гдѣ Донъ сближается съ Волгой (верстъ 75!) и входили въ Волгу. На несправедливость этого косвенно указываетъ и Массуди, утверждая, что остатки разбитаго полчища славянъ поѣхали къ булгарамъ, жившимъ верстахъ въ 400 выше мѣста сближенія Волги съ Дономъ. Конечно, поѣхали они не для новыхъ завоеваній—ихъ было всего только 5 т. человѣкъ—а возвращались домой. Да могла ли рѣшиться эта

горсть людей на новый походъ, когда сзади ихъ были козары, а впереди булгары?

А если они ѣхали домой, то имъ не миновать было проходить чрезъ землю кривичей или вятичей, если то не были сами вятичи и кривичи. Съ другой стороны арабскіе писатели заносятъ на страницы лѣтописи азіатскіе походы славянъ совсѣмъ не доисторическаго времени, а того самаго, когда вся почти Россія была объединена подъ властью Олега, Игоря и т. д. Слѣдовательно, здѣсь уже разобраться можно. Лѣтописецъ кратко, но очень ясно очертилъ время первыхъ князей русскихъ, отмѣтилъ даже горячку того времени — походы и торговля, исключительно направленные въ Грецію и на Грецію. Вся исторія того времени происходила по великому водному пути, пути „изъ варягъ въ греки“ и этимъ обусловливалась исключительность торговли съ Греціей и походовъ въ Грецію. До чего походы эти были въ модѣ, объ этомъ говоритъ уже одно то, что каждый князь считалъ своей обязанностью, послѣ занятія княжескаго престола, объявлять Греціи войну. Слѣдовательно, дѣлать походы въ далекую Азію князья не могли по царившему въ ихъ время духу устремляться на югъ, а ужъ никакъ не на востокъ. Лѣтописецъ всегда старается отмѣтить даже мелкія событія изъ времени княженій русскихъ князей; но такія грандіозныя со-

бытіи, какъ походы въ Азію, къ берегамъ Персіи, не находятъ себѣ мѣста на страницахъ лѣтописи. Ясно, что ни Олегъ, ни Игорь ихъ не дѣлали, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могли дѣлать безъ ихъ вѣдома эти походы и племена, имъ подвластныя. Если же таковые походы были, то совершались племенемъ, неподвластнымъ первымъ князьямъ, каковыми были, напр., вятичи; такъ какъ водный путь изъ „варягъ въ греки“ направлялъ ладьи въ Грецію, то въ Азію могъ направлять ладьи путь Хвалынскій только, и ладьи тѣхъ жителей Руси, которымъ онъ былъ доступенъ, какъ напр. вятичамъ. Лѣтописецъ же, сосредоточивъ свое вниманіе на событіяхъ, совершившихся на греческомъ пути, естественно могъ и не вѣдать про событія, совершавшіяся на азіатскомъ пути, отъ чего эти походы и не попали въ нашу лѣтопись. Фоцланъ, описывая нѣкоторые обычаи славянъ, которыхъ онъ видѣлъ въ Казаріи, изображаетъ ихъ такими чертами, которыми Несторъ изображаетъ вятичей, родимичей и сѣверянъ.

Оба они говорятъ о нечистоплотности этихъ племенъ; оба усваиваютъ многоженство этимъ племенамъ; оба почти одинаково описываютъ обрядъ погребенія (сожиганія). Мы не имѣемъ ровно никакого права утверждать, что именно всѣ племена славянъ, жившихъ въ Россіи, имѣли одинаковые обычаи. „Имяху бо обычаи свои,

кождо свой нравъ“, говоритъ Несторъ и если усваиваетъ только вятичамъ, родимичамъ и сѣверянамъ извѣстные обычаи, которые были подмѣчены Фоцланомъ, то такъ и понимать нужно, что только эти племена держались этихъ обычаевъ, а не всѣ. Послѣ этого становится болѣе чѣмъ вѣроятнымъ мнѣніе, что вятичами, или покрайней мѣрѣ при ихъ участіи, дѣлались тѣ грабежи въ Азіи и торговыя путешествія туда, которыя отмѣтили арабскіе писатели.

Отъ хазаръ до монголовъ.

На зарѣ своей политической жизни вятичи попали подъ власть хазаръ. Хазары обложили данью вятичей „по-бѣлѣ вевѣрицѣ отъ дыму“, т. е. по одной бѣлкѣ съ каждой хаты. Дань была, какъ видно, нетяжелая для народа, промышляющаго охотой. Нетяжелая эта дань была потому, что хазарамъ совсѣмъ неудобно брать дань болѣе цѣнную, такъ какъ вятичи — народъ храбрый и воинственный, но, отягощенный данью, постоянно могъ браться за оружіе и хазарамъ слишкомъ бы дорого обошлась, положимъ, шкура медвѣдя. (Шлецеръ спрашиваетъ: почему хазары брали дань бѣлками, а не медвѣдями?). Кромѣ того можно полагать, что хазары брали у своихъ данниковъ извѣстное число людей для своего войска. По крайней мѣрѣ Массуди утвер-

ждаетъ, что славяне составляли часть хазарскаго войска, которое имъ не зачѣмъ было нанимать, когда они могли задаромъ обязать данниковъ выставлять потребное количество воиновъ. Хазары наѣзжали въ нашу родину для сбора податей несомнѣнно въ опредѣленное время года. Вхали они по Волгѣ, входили въ р. Оку, и изъ Оки разъѣзжались по ея притокамъ, такъ что Уна, Шатъ и др. рѣки были для нихъ, такъ сказать, подвозными линіями. Сборъ производился довольно продолжительное время. Все это обусловливало собою необходимость постройки особыхъ центральныхъ пунктовъ, служившихъ мѣстомъ склада дани, мѣстомъ сбора для самихъ хазаровъ къ условленному времени. Несомнѣнно, что эти пункты были на всякій случай укрѣплены въ видахъ могущаго произойти возстанія данниковъ. Весьма вѣроятно, что изъ этихъ укрѣпленныхъ пунктовъ впослѣдствіи выросли нѣкоторые города нашей губерніи: такъ прот. Бурцевъ доказываетъ, что Бѣлевъ получилъ свое начало отъ такого складнаго пункта хазаровъ. (Онъ производитъ Бѣлевъ отъ сокращенія первичнаго предполагаемаго названія этого пункта „Бѣловѣкшескъ“ (вовѣрица иначе называлась „вѣкшица“), сокращенное въ „Бѣловѣскъ“. Бѣлевскъ“ и „Бѣлевъ“. Лучшаго толкованія слову „Бѣлевъ“ пока не придумано, хотя и въ этомъ толкованіи есть слабыя стороны. Онъ же пола-

гаетъ, что Новосиль ранѣе именовался „Новый Итиль“ (Итиль главный городъ хазар. княж.), *) с. Вяжи, Новосильскаго уѣзда, именовалось — Вѣжи (собств. знач. палатки. Итиль иначе назывался „Бѣлая вѣжа“). Но безспорно с. Казариново, с. Казарино и нѣсколько урочищъ въ нашей губерніи, гдѣ въ названіи слышится козеръ („козарскій верн.“ Б. у.) есть памятникъ владычества хазаръ въ нашемъ краѣ.

Хазары стояли гораздо выше вятичей въ культурномъ отношеніи, и слѣдовательно, владычество ихъ не могло не отразиться на вятичахъ съ нѣкоторыхъ сторонъ благопріятно. Ни отъ кого другого, какъ отъ хазаровъ вятичи узнали и получили благородные металлы: золото и серебро, которые шли у славянъ, какъ и обычно у всѣхъ дикарей, не на монету, а на украшеніе и преимущественно женщинъ. Такъ славянки, по утвержденію Фоцлана, которыхъ онъ узналъ въ Хазаріи, носили на себѣ золотыя цѣпи. Тотъ же Фоцланъ сообщаетъ, что любимымъ украшеніемъ славянокъ служитъ зеленый бисеръ, который покупается ими съ платой чуть ли не цѣлой драхмы за бисеринку. И это роскошничалъ

---

*) Можетъ быть. Но почему же новый—слово славянское а Итиль—слово казарское? Навѣрно не славяне, а хазары давали названія своимъ стоянкамъ. Тогда – „новый“ напрасно сюда включено. Ужъ какъ нибудь иначе этотъ Итиль назывался, только не „новый“. Почему не отъ „повое и село?“.

такъ народъ, не имѣвшій ни одного рудника, народъ, котораго грабили и надували азіаты, какъ нынѣ грабятъ и надуваютъ дикарей, вымѣнивая дорогія вещи на бездѣлки, вродѣ бисера. Но къ концу X в. наши предки имѣютъ уже монету—тоже несомнѣнно хазарскаго происхожденія. Въ 965 г. Святославъ Игоревичъ, князь Кіевскій, еще до погрома имъ хазарскаго царства, явился на берегахъ Оки и Дона въ землѣ вятичей и спросилъ, кому они платятъ дань. „Хазарамъ, отвѣчали наши предки, по шляху отъ рала.“ Платите мнѣ, сказалъ Святославъ, и вятичи согласились. Рѣдкій примѣръ политическаго индеферентизма.

Давнымъ давно прочія славянскія племена сбросили хазарское иго и только одни вятичи продолжали сидѣть подъ мечемъ хазаръ. Теперь, къ 965 г. вятичи платятъ уже не отъ дыма, какъ прежде, а „отъ рала“ т. е. отъ сохи; не „по бѣлѣ вевѣрицѣ“, а по „шляху“ т. е. по мелкой монетѣ (отъ нѣм. шелингъ). Ясно, что они стали уже считать своимъ главнымъ промысломъ не охоту, а земледѣліе, и перешли, значитъ предѣлы той жизни, гдѣ все еще замѣтны остатки младенческаго возраста человѣчества, характеризуемаго скитальчествомъ, въ видѣ охоты и кочевья (первая—это самая первичная ступень бытія человѣка, а второе (кочевье) предполагаетъ за собой извѣстное куль-

турное развитіе.) Слѣдовательно, вятичи уже возмужали къ тому времени и имѣли за собой изрядный культурный ростъ, такъ какъ переходъ отъ охоты къ земледѣлію—переходъ отъ дикаго состоянія къ состоянію цивилизаціи. Перемѣна образа жизни должна была вести за собою и радикальное измѣненіе нѣкоторыхъ сторонъ человѣческой дѣятельности у нашихъ предковъ. Такъ торговля—этотъ двигатель экономической жизни народа, должна была принять болѣе совершенную форму. Прежде у вятичей разныя торговыя сдѣлки производились путемъ мѣны, но мѣновая торговля при земледѣліи немыслима. Удобно промѣнять прежде было шкуру какого-нибудь звѣря на нужный предметъ, но совсѣмъ неудобно держаться этой системы, когда главное производство заключается въ хлѣбѣ. Здѣсь то и лежитъ начало возникновенія условныхъ денежныхъ знаковъ. Вятичи, подвластные хазарамъ, естественно и должны были употребить монету металлическую, какая обращалась въ Хазаріи и вообще на востокѣ, такъ какъ добывалась она путемъ торговли въ Хазаріи и другихъ мѣстахъ, по преимуществу восточныхъ. Хазары, кромѣ того, могли особенно настойчиво распространять свою монету среди подвластныхъ вятичей, такъ какъ это тѣсно было связано съ ихъ государственными интересами, особенно съ Казной кагана, немало

пополнявшеюся монетой вятичей. Въ этомъ-то и лежитъ причина, почему предки наши при Святославѣ могли едва-ли не подушно платить „шлягами“ т. е. серебромъ, но въ позднѣйшія времена платятъ дань и за товары „кунами“, т. е. опять шкурами звѣрей. Навязанная нашимъ предкамъ хазарами серебряная монета дотолѣ и могла только среди нихъ обращаться, пока ее хазары давали; но разъ власть хазаръ была сокрушена, славяне должны были изобрѣтать монету изъ собственныхъ богатствъ, ибо они не имѣли ни своего серебра, ни золота; привозный же металлъ не могъ удовлетворить своимъ незначительнымъ количествомъ спросу на него (извѣстно, что кожаная монета обращалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи даже въ царствованіи Петра I-го). Нужно только замѣтить, что наши предки имѣли монету въ то время совсѣмъ не „шлягъ“, какъ называетъ ее Несторъ. Хазарская монета не могла носить нѣмецкаго названья. Шлягъ былъ въ употребленіи у славянъ, жившихъ по великому водному пути; получался онъ славянами чрезъ посредство Новгорода — члена Ганзейскаго торговаго союза и чрезъ сношеніе съ западомъ другими путями. Во времена Нестора шлягъ былъ ходячей монетой и лѣтописецъ зоветъ этимъ именемъ вообще деньги.

Вятичи къ XII в. имѣли слѣдующіе города:

въ Тульской губ. Новосиль, Бѣлевъ, Одоевъ, Любыницъ (стоявшій въ Алексен. уѣздѣ), Тула, Дѣдославль (нынѣ с. Дѣдлово, а ранѣе г. Дѣдиловъ), Колтескъ (полагаютъ не безъ основаніе, что это с. Колтово, Каширскаго уѣзда), а впослѣдствіи были еще извѣстны: Дороженъ (по предан. стоялъ тамъ, гдѣ нынѣ с. Сухаково, Епифанскаго уѣзда, въ 15 в. отъ Епифани), Берестуй (гдѣ-то около Венева. Не с. Городенецъ Веневскаго уѣзда, стоящее въ 10 в. отъ этого города? По писц. книг. это село было ранѣе городомъ, именовавшимся г. Городенескъ, построенный въ царствованіи Іоанна Грознаго. Но мѣстное преданіе говоритъ, что городъ этотъ былъ разрушенъ Батыемъ, имѣлъ 7 церквей и пр. (при Іоаннѣ Грозн. одну). Развѣ не могъ Городенескъ получить себѣ названіе (и навѣрно получилъ) отъ того, что былъ выстроенъ на городищѣ, т. е. на мѣстѣ бывшаго нѣкогда города, которымъ могъ быть Берестуй, разрушенный Батыемъ, но память жителей смѣшала болѣе ранній—Берестуй, а болѣе позднимъ—Городенескомъ, усвоивъ послѣднему то, что относилось къ первому.) Въ Орловской губ. Вщижъ (нынѣ деревня Орлов. губ.), Ворголь и Рыльскъ (имѣвшіе впослѣдствіи своихъ князей одной вѣтви съ нашими Новосильскими и Одоевскими), Елецъ и Мценескъ (нынѣ Мценскъ). Калуж. губ. Козельскъ,

Оболенскъ (имѣвшій своихъ князей, родственниковъ нашимъ Одоевскимъ (нынѣ село), Воротынскъ (имѣвшій тожъ князей изъ рода нашихъ Одоевскихъ, нынѣ заштатный городъ) Пронскъ, Дебрянскъ (нынѣ Брянскъ), Перемышль. Неизвѣстные: Обловъ, Девягорескъ и др.. Что касается Карачева, то какъ было замѣчено выше, этотъ городъ вошелъ въ составъ области вятичей только послѣ XII в.

Послѣ добровольнаго подчиненія Святославу, вятичи навсегда потеряли свою самостоятельность, безъ надежды когда либо возвратиться къ свободѣ изъ цѣпей рабства и съ тѣмъ исчезли навсегда со страницъ исторіи. Слѣдовательно, исторія не знаетъ такого періода, когда вятичи были бы самостоятельнымъ племенемъ. Изъ этого послѣдняго періода даничества русскимъ князьямъ, исторія вятичей отмѣчаетъ слѣдующія событія. Вятичи напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы сбросить съ себя рабское иго и стать на ряду съ сосѣдями въ отношеніи къ политической свободѣ. Но таковыя стремленія оказываются запоздалыми, такъ какъ этотъ признакъ политическаго возмужанія является въ то самое время, когда сосѣди вятичей прошли уже разныя стадіи политическаго развитія и имѣли за собой громадный опытъ военной и политической жизни. Поздно было вятичамъ спорить съ Кіевомъ, закаленнымъ въ бояхъ; что могло быть

общаго у какого нибудь князька вятичей съ Святославомъ, громившимъ Грецію, болгаръ, хазаръ и всѣхъ, кого ему заблагоразсудилось? что общаго у какого нибудь Ходоты съ Владиміромъ св. и Владиміромъ Мономахомъ—колоссы военнаго искусства и пигмей народнаго бунта! Въ 965 г. Святославъ разгромилъ хазарское царство, а на слѣдующій годъ вятичи вздумали помѣриться съ нимъ въ военномъ дѣлѣ, взялись за оружіе и возстаніе вспыхнуло. Что было причиной такого событія—неизвѣстно. Дань они платили Святославу такую же, какъ ранѣе и хазарамъ; прошлогодній разгромъ страны Кагана могъ уяснить имъ, насколько опасно имѣть дѣло съ Святославомъ. Быть можетъ мысль, что силы Святослава ослабѣли въ борьбѣ съ хазарами, нѣсколько питала ихъ надежду на возможность счастливаго исхода борьбы изъ-за свободы. Но Святославъ какъ барсъ явился въ землѣ вятичей и заставилъ ихъ снова быть данниками своими. Когда послѣ Святослава всю Русь раздѣлили его сыновья, вступившіе въ непріятельскія отношенія между собою, кончившіяся двумя кровопролитными войнами, и когда Владиміръ вышелъ изъ междоусобія побѣдителемъ, вятичи, принимавшіе участіе въ этихъ войнахъ, рѣшились сбросить съ себя иго Кіевскихъ князей. Случай былъ для этого удобный. Войска великаго князя Владиміра ослабѣли въ

кровопролитныхъ схваткахъ, а къ довершенію всего, Владиміръ открылъ военную компанію съ ляхами. Все вниманіе великаго князя сосредоточилось теперь на успѣхъ этой войны. Вятичи, вѣроятно, полагая, что Владиміру нѣтъ теперь до нихъ дѣла, подняли возстаніе. Но Владиміръ явился въ ихъ землѣ и подавилъ возстаніе. Это было въ 992 году. Вѣроятно, Владиміръ слишкомъ жестоко отплатилъ вятичамъ за ихъ смѣлый поступокъ, и, быть можетъ, облажилъ тяжкой данью, такъ какъ на слѣдующій годъ предки наши снова хватаются за оружіе и снова ихъ отважное и смѣлое предпріятіе кончается позорнымъ рабствомъ. Непосредственнымъ двигателемъ всѣхъ этихъ возстаній была прежде всего, конечно, дань, которая была иногда совсѣмъ непосильной отъ междоусобій князей, требовавшихъ себѣ съ подчиненныхъ средствъ для осуществленія своихъ славолюбивыхъ замысловъ. Постоянныя междоусобія—тоже были и въ другомъ отношеніи непріятны для вятичей. На тяжкіе походы требовались воины и чѣмъ больше было такихъ походовъ, тѣмъ больше было и ратниковъ завербовано какъ въ ихъ землѣ, такъ и въ другихъ областяхъ. Какую же пользу для себя извлекали изъ массы жертвъ, павшихъ на полѣ брани? ровно никакой. Кровь лилась и жертвовалась ими для невѣдомаго имъ Кіева и ненавистнаго кіевскаго князя, грабив-

шаго область подъ видомъ дани. Всѣмъ этимъ пользовались передовые люди изъ нашихъ предковъ, своего рода князьки, которымъ по духу того времени непріятно было быть данниками; ихъ манила самостоятельность и тоже обольстительная слава, которая сѣяла междоусобія среди князей удѣльнаго времени. Они пользовались недовольствомъ нашихъ предковъ и руководили возстаніями. Особенно это удобно было сдѣлать послѣ 1054 г., когда сыновья Ярослава Мудраго раздѣлили всю Русь на шесть частей, когда, слѣдовательно, силы Кіева ослабли отъ такого дѣленія, а авантюризмъ князей дошелъ до предѣловъ возможнаго. Къ несчастію нашихъ предковъ, они вошли въ составъ Черниговскаго княжества—самаго буйнаго, самаго неспокойнаго, благодаря своимъ князьямъ. Исторія кн. Черниговскаго есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія нашихъ предковъ. Всѣ горести князя Черниговскаго были горестями и нашихъ предковъ, а всѣ радости этого княжества не касались вятичей —вотчину заброшенную, къ которой никто не хотѣлъ приложить рукъ, кромѣ развѣ для полученія дани и для сбора войска. На самомъ дѣлѣ, что могли сдѣлать кн. Черниговскіе для блага нашихъ предковъ. Вся жизнь того времени кипѣла на югѣ около Кіева. На Кіевъ были устремлены алчные глаза всѣхъ князей, какъ на великокняжескій столъ. Было ли вре-

мя заняться какими-то вятичами, затерявшимися въ лѣсахъ на скучномъ сѣверѣ. Что такой вотчина на сѣверѣ по понятію современнаго князя? —это ссылка, тюрьма, кандалы. Вотъ почему сѣверные князья спали и видѣли бросить свой удѣлъ и очутиться въ Кіевскомъ княжествѣ. Этимъ объясняется отношеніе кн. Черниговскихъ къ вятичамъ. Они едвали превышали слѣдующаго перечисленія: 1) сборъ дани, 2) наборъ войскъ, 3) защита отъ непріятелей. Едва ли князья Черниговскіе безъ нужды и ѣздили на нашу родину, развѣ только на случай укрыться въ лѣсныхъ чащахъ нашей родины отъ сильнаго непріятеля. Область вятичей—была область заброшенная. Отъ этого-то частенько враги кн. Черниговскаго начинали свое опустошительное шествіе съ нашей родины, разрушая города и села ни въ чемъ неповинныхъ вятичей, какъ менѣе всего защищаемыхъ искусствомъ Черниговскаго меча. И за все это предки платили такъ дорого князьямъ, истощая свои экономическія силы и силы народа на ненужныя для нихъ войны изъ-за Черниговскихъ князей. Осудимъ ли мы послѣ этого какого-то Ходоту, ставшаго съ своимъ сыномъ во главѣ взбунтовавшихся вятичей при Всеволодѣ? Это возстаніе окончилось ничѣмъ. Всеволодъ послалъ сына своего Владиміра Мономаха, который явился съ многочисленнымъ войскомъ въ

землѣ вятичей. Война была кровопролитная и тяжелая, недаромъ мономахъ упоминаетъ объ ней въ своемъ завѣщаніи въ числѣ крупныхъ походовъ, совершенныхъ имъ въ теченіе всей его жизни. Вятичи были разбиты, Ходота, вѣроятно, палъ, а Владиміръ торжествовалъ побѣду. Но этимъ дѣло не кончилось. Побѣжденъ былъ Ходота, но не народъ. Народъ же на слѣдующую зиму снова взялся за оружіе. Опять Мономахъ разбилъ вятичей и они навсегда сложили оружіе.

Изъ числа многочисленныхъ погромовъ нашей родины, особенно памятенъ былъ погромъ 1147 г. для нашихъ предковъ, учиненный Святославомъ Ольговичемъ. Этотъ князь поднялъ оружіе противъ Изъяслава Мстиславича Кіевскаго, свергшаго съ великокняжескаго престола Игоря Ольговича, брата Святослава. Святославъ дѣйствовалъ сначала вмѣстѣ съ Черниговскими князьями. Но эти лукавые князья измѣнили ему. Тогда онъ вторгся въ ихъ вотчину—землю вятичей и началъ громить ее. Прежде всего былъ взятъ имъ Карачевъ. Затѣмъ палъ подъ его оружіемъ Козельскъ. Оттуда пошелъ онъ на Мценскъ и завоевалъ его. Далѣе устремился на Дѣдославль (Дѣдлово) и разрушилъ этотъ городъ. Князья Черниговскіе слѣдовали за нимъ по пятамъ и выгоняли его изъ каждаго взятаго имъ города. Наконецъ, Юрій Суздальскій

прислалъ Святославу помощь и Черниговскіе князья должны были отступить, бросивъ нашу родину на произволъ судьбы. Они не минули и здѣсь показать себя съ дурной стороны, подговаривая вятичей убить Святослава, на что послѣдніе не согласились. Святославъ занялъ Тулу и оттуда устремился къ берег. р. Осетра. Тамъ занялъ онъ г. Любыницъ (Алекс. уѣзд.), Колтескъ (Каш. уѣзда с. Колтово) и ушелъ въ Москву, гдѣ его ждалъ Юрій Суздальскій, угостившій и ободрившій этого несчастнаго, симпатичнаго князя. Ободренный Святославъ снова вторгся въ землю вятичей и снова сталъ ее громить, пока мирные переговоры съ Черниговскими кн. не прекратили его побѣдоноснаго шествія. Скоро для Россіи настала другая пора, повернувшая верхъ дномъ существовавшіе порядки. Съ востока двигалась цѣлая туча варваровъ на безпечную Россію, занятую междоусобными распрями. Многія княжества стерты были съ лица земли, многія потеряли то значеніе, которое имѣли раньше, но что всего и существеннѣй, такъ это перемѣщеніе центра политической жизни съ юга на сѣверъ, въ то мѣсто, близъ котораго лежала наша родина, земля вятичей. Для вятичей вмѣстѣ съ тѣмъ настали другія времена, времена собственныхъ удѣльныхъ княжествъ, времена своихъ князей, исторіей фамилій которыхъ мы и займемся, ог-

раничившись тѣмъ, что всего болѣе интересно для насъ, какъ жителей Тульской губерніи.

Священникъ *Василій Ивановскій.*

Печатано съ разрѣшенія И. д. Тульскаго Вице-Губернатора Старшаго Совѣтника **Иванова**.

Типографія Губернскаго Правленія. Телефонъ № 199.

2007041086